

Петр Катериничев

Странник (пьеса)

Петр Катериничев
Странник (пъеса)

«Автор»

2009

Катериничев П. В.

Странник (пьеса) / П. В. Катериничев — «Автор», 2009

© Катериничев П. В., 2009

© Автор, 2009

Содержание

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ	6
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Странник

(несколько историй про любовь)

(Пьеса)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Странник, Олег Клёнов – юноша и мужчина

Прохожий, Кавалер, Fortunатов, Меняла – мужчина

Девушка, Девочка, Дама, Оля, Лека, Аля, Лена – девушка и женщина.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

В левой стороне сцены (от зрительного зала) – письменный стол, заваленный горами исписанных бумаг-рукописей, пишущая машинка «Ундервуд», чай в подстаканнике; над столом – абажур. За столом сидит Олег и сосредоточенно пишет.¹

Олег: ...Год шел к закату, налитый тяжелой, свинцовой усталостью, сковавшей землю, притянувшей к ней низкое, лилового цвета небо. Острые стрелы поземки неслись по ночным, отполированным слюдяной коркой льда улицам, а на площади – вихрились смерчами у ног каменного истукана на высоком гранитном постаменте. Словно статуя Командора, он застыл перед темным зданием, безлично взирающим на подвластный город и неподвластный снег пустыми провалами черных окон...

Олег замирает, смотрит в непроглядную темень за окном, снова склоняется над рукописью.

Олег: ...И время по такой поре кралось неслышно и мнилось вовсе несуществующим. Казалось, и эта ночь, и снег, и усталость – были всегда, и то, что еще блистало в памяти золотистыми искорками сгоревших летних костров, виделось теперь лишь игрой измотанного беспроглядной ночью воображения и горькой бессонницы...

Звонок телефона мечется, как призрак исчезнувшей музыки; Олег невидяще смотрит на телефон некоторое время, снимает трубку, прикладывает к уху.

Зажигается свет над правой стороной сцены – кухней-гостинной. В ней – стол, плита, зеркало, дверь в соседнюю комнату. Оля, в домашнем платье, которое, впрочем, очень ей идет; волосы забраны в пучок...

Оля: Это я.

Олег: Здравствуй.

Оля: Ты хотел зайти...

Олег: Ну... В общем...

Оля: Родители на дачу уехали. Приходи.

Олег: Прямо сейчас?

Оля: А когда?

Олег: Я даже не знаю...

Оля: Да ладно тебе...

Олег смотрит на заваленный бумагами стол, на стакан с недопитым, бурого цвета чаем... А за окном – всё то же тяжкое, лиловое небо, готовое заплакать...

Олег: (напевает) Ноябрь перед закрытием слезливо и дурашливо расплакался дождем...

Оля: Что? Я не расслышала.

Олег: Ничего.

Оля: Так ты придешь?

Олег: Да.

Олег смотрит на бумаги, кое-как пытается подравнять, листы падают на пол, вместе с несколькими кленовыми алыми и золотыми листьями, смешиваясь с ними... Свет в правой половине гаснет.

Ольга в кухне-гостинной подходит к большому зеркалу, расплетает забранные в «хвостик» волосы, встряхивает головой, снимает домашнее платье, открывает шкаф, прикиды-

¹ Здесь актер может читать с листа, может читать на память (текст выстроен ритмически, «ритмизирован»; считаю – он нужен, как «камертон», который задает тему, как в музыке, и как переход от одной истории к другой. При необходимости (или желании) текст можно существенно сократить. Девушек может играть одна актриса, а лучше – несколько. А можно текст записать заранее и выдавать «за кадром». Для гастрольного варианта так – лучше.

вает на себя одно, другое, останавливается на совсем коротком, девичьем, в горошек, надевает его и сабо – на ноги – любитесь своим отражением.

Слышен плач ребенка, Ольга уходит в дверь. Свет гаснет.

Олег тем временем идет вдоль сцены. Слышны шумы отправляющихся троллейбусов, лязг дверей, редкие клаксоны автомобилей, редкие лучи фар время от времени прочерчивают пространство... Статуя Истукана. Олег застывает перед ней; в клубящемся в тумане видны лишь ботфорты и крепкая рука, сжимающая эфес стилета. Вдалеке – силуэт дома; окна похожи на соты-иллюминаторы корабля, который никуда не плывет.

Рядом с Олегом останавливается Прохожий. Привлекает внимание Олега коротким: «Ээ...», Кленов поворачивается к нему.

Прохожий: Людей – никого... Как попрятались. *(С елейной мечтательностью)* В эдакую пору хорошо бы сидеть где-то в натопленной избушке, отгородившись мира ставнями, взятыми на болты, накрепко, чтоб и не растворить... И не видеть этих пустых выстуженных улиц, и не видеть этих пустых, выстуженных лиц... И укрыться за желтым светом абажуров, за золотом плотных портьер, в тепле янтарного чая и хмеле пурпурного вина... И заснуть... и не просыпаться...

Прохожий замолкает вдруг, сутулится, втягивает голову в плечи, озирается глазами, словно сболтнул лишнего...

Прохожий: Э-э-э... Огонь найдется?

Олег чиркает кремнем зажигалки. Прохожий прикуривает, смотрит колеблющееся пламя, потом на Олега – испытывающее...

Прохожий: Неровный нынче огонь... Погода собачья... Ха-ха... Как жизнь.

Уходит, подняв воротник плаща. Олег смотрит ему вслед, словно силясь что-то вспомнить. Порыв ветра бросает Олегу под ноги опавшие кленовые листья.

Кухня-гостинная освещается. Тихий стук в дверь. Оля открывает.

Оля: Долго шел, Клёнов. Сашка уснула. Едва уложила. И болтает, и болтает. *(С иронией)* Вся в папу. Упрямая.

Из соседней комнаты доносится голос ребенка.

Олег: Разбудили?...

Оля: Ничего...

Оба заглядывают в комнату.

Детский голос: Дядя...

Оля: Нет, Саша, дядя ушел. И деда тоже.

Детский голос: Дядя! Дядя!

Оля: Спи, моя хорошая...

Прикрыв дверь, оба на цыпочках отходят от двери.

Оля: Понял, Клёнов... Ты для нее – дядя.

Они проходят в кухню-гостинную, устраиваются за столом. На плите кипит кастрюлька с чем-то. В углу за столом – чем-то заставленная, пыльная гитара. Как хлам. Монотонно тикают ходики. Маятник-«глазки» – бегают туда-суда; Кленов косится на них время от времени.

Оля: Есть будешь?

Олег: Лучше чай.

Оля: Есть кофе растворимый.

Олег: Давай.

Оля насыпает порошок, сахар, заливает кипятком.

Оля: Сашка и Стас в аспирантуру поступили. У нас что-то полкурса туда ринулось.

Олег: Да?

Оля: Ты то что? Как всегда, всё трепом ограничилось?

Олег: Так вышло.

Оля: А в школе не надоело?

Олег: Надоело.

Оля: И – что?

Олег: Каждому своё.

Оля: Да ладно тебе...

Во время разговора Оля чистит картошку, крошит в кипящую воду. Олег отщипывает кусочки от батона, скатывает в шарики и машинально отправляет в рот.

Оля поворачивается и смотрит на него; в лице у нее – или грусть по тому, что не состоялось или, скорее, извечное женское: я так и знала: рохля. Мельком оглядывает себя в зеркало; горькая гримаска кривит губы: дескать – для кого наряжалась!? Олег чувствует ее взгляд, поднимает голову.

Оля: (с горькой иронией) А ты не изменился.

Олег пожимает плечами.

Оля: Еще кофе?

Олег: Покрепче.

Оля: Сделай сам.

Олег смотрит ей в глаза, смущается, опускает взгляд, произносит тихо и словно решившись:

Олег: Давай, я тебе спою....

Оля: Ну вот. Одному – попеть хочется, другому – потанцевать... И все забываете, что ребенок спит.

Олег: Я негромко.

Оля: Не нужно. Ты не замечал разве, что я просто не хочу тебя слушать?

Олег: Почему?

Оля: Эти песни... слишком хороши... для тебя.

Олег: Я их не нарочно... Они складываются сами.

Оля: Все равно. Слова можно придумать какие угодно. Человек то ты – пустой. Знаешь, ты только в поэты не лезь.

Олег: А я и не лезу. Просто – так живу.

За окном завывание ветра, на чьем-то балконе, хлопает плохо пристроенная фанера.

Оля: Что замолчал?

Олег прихлебывает из кружки.

Олег: Кофе вот пью.

Оля: Ну ладно, спой. А я красится буду. Тебе это не помешает?

Олег: (врёт, и это очевидно) Нет...

Ольга раскладывает косметичку, начинает красить веко, другое... Олег берет гитару – буквально освобождает ее от той рухляди, которой она заставлена. Нежно оглаживает. Проводит по струнам – дребезжащий звук наполняет кухню – гитара расстроена.

Оля: Потихше!

Олег кивает, крутит колки, едва весомо касаясь струн кончиками пальцев. Лицо его постепенно преобразается, становится одухотворенным, незнакомым... При первых тактах, аккордах музыки и звуков саксофона Оля замирает, смотрит на Олега – и взгляд ее меняется, теплеет, делается странным и отстраненным...

Свет над кухней-гостинной постепенно меркнет, потом пропадает вовсе... Остается только музыка.

В круге света появляется Кленов – одетый с иголки; в круг вступает Оля; начинается танго, полное скрытой страсти и эротики...

Разлили души по бокалам,²
Как будто слезы по любимым,
Чтобы смягчило снегом талым
Тоску быть гордым и гонимым,
Чтобы истаяли свечи
На кипарисовой террасе,
Чтобы струился лаской вечер
И был изысканно прекрасен.
Как взгляд твой ясный и счастливый,
Как голос ручейково-нежный,
Как шопот моря торопливый,
Как запах ветренно-подснежный...
Когда расцветивает ало
Земную зависть по вершинам —
Мы возвращаемся устало
К пурпурным мантиям и винам.

Постепенно к танцу присоединяется третий – Прохожий – одетый в безукоризненный смокинг «с иголочки»... Сначала он словно ходит кругами вокруг двоих, танцующих, потом берет партнершу и начинает танцевать с ней... Танго втроем.

На кипарисовой террасе
Плащи теней свивают свечи.
В цветах сирени тает праздник,
Как смех, бессонен и беспечен!
И фиолетовым кристаллом
Мерцают грезы снегом мнимым...
Разлиты слезы по бокалам,
Как будто души – по любимым.

Танец заканчивается, танцующие замирают; музыка постепенно гаснет, как и свет, пока не исчезает вовсе; остаются только гулкие удары метронома или ходиков. Свет над кухней гостиной возникает постепенно. Завороженное выражение сходит с лица Оли; она – словно проснулась; взглядывает на себя в зеркальце косметички, берет иголку и начинает аккуратно отделять слипшиеся ресницы одну от другой. Олег глядя на эту процедуру болезненно морщится; осторожно кладет гитару на колени.

Оля: (буднично-ранодушно) Чего замолчал? Пой еще.

Олег: Ты слушала?

Оля: А как же.

Она берет кусочек льда и протирает кожу лица.

Олег: Решила посвежить?

Оля: Это лед с травами. Очень полезно. (Кивая на гитару) Всё?

Олег: Из новых – всё.

Оля: Ну спой старые.

Олег: Ты их все слышала.

Оля: Не важно. Интересно, как они теперь звучат.

Олег мягко проводит по струнам.

² Все стихи – мои, на все есть музыка, только ее нужно хорошо аранжировать. Это – танго. Естественно, будет запись.

Олег: (напевает)

Нам нечего делить,
Нам незачем делиться
Судьбами.
Друг друга обвинять,
Друг другу становиться
Судьями.
Грешны – и не грешны,
Пред будущим равны
По-прежнему.
Сегодня заодно
Пьем терпкое вино
Подснежников.

Оля: Это всё та же песня?

Олег: Другая.

Оля: Мотив похож.

Олег: Просто – настроение такое...

Оля (с неожиданной злостью и яростью, которая быстро превращается в привычную, глубоко обжитую жалость к самой себе) Знаешь... Ты найди дуру, которая тебя не знает, и пропой ей все это. И она – сразу бросится тебе на шею.

Олег (горько и резко) Да? Для таких случаев у меня есть другие песни. И – вино.

Оля: А у меня – вина нет.

Оля встает у черного окна. Сквозь окно и ее отражение в нем – огни дома напротив – словно иллюминаторы корабля, который никуда не плывет.

Звук метронома-ходиков становится резким и гулким. Слышно, как дважды проворачивается ключ в замке.

Олег: Родители...

Оля: Ты не беги, пусть хоть разденутся...

Олег: (кому то за сценой, привстав, тщательно и вежливо) Здравствуйте.

Женский голос (в ответ) Здравствуйте.

Мужской голос (в ответ) Здравствуйте.

Звук метронома, звяканье ключей, свет постепенно гаснет...

Олег тем временем идет вдоль сцены. Слышны шумы отправляющихся троллейбусов, лязг дверей, редкие клаксоны автомобилей, редкие лучи фар время от времени прочерчивают пространство... Но все перекрывает звук метронома... Ветер бросает Кленову под ноги осенние листья... Темнота, завывание ветра.

Зажигается свет абазура над столом Кленова. Он кладет сверху на гору бумаг – кленовый листок. Одновременно зажигается свет абазура над кухней-гостинной Оли. Она «при полном параде» – костюм, туфли, подвитые волосы, нервно покачиваясь на каблучках, с трубкой в руке...

Мелодичный телефонный звонок в квартире Кленова – как призрак исчезнувшей музыки... Один, другой, третий...

Олег: Сейчас она скажет «я тебя люблю...» – и...

Кленов бросается к телефону, смахивая со стола что-то, прикладывает трубку к уху.

Оля: (жестко, делово): Это я. Ты в театр не хочешь сходить? Премьера.

Олег: Прямо сейчас?..

Оля: Да.

Олег: Ты ведь с кем-то собиралась...

Оля: Так ты пойдешь или нет!?

Олег: Знаешь, я думал...

Оля: Чего от тебя еще ждать...

Оля зло бросает трубку на аппарат. Свет над кухней-гостинной гаснет. Пронзительный звук коротких гудков в квартире Кленова. Он кладет трубку на аппарат, присаживается к столу, автоматически прихлебывает чай из стакана в подстаканнике, морщится от горечи...

Где-то на кухне у Кленова работает радиоточка; в тишине слова диктора становятся все слышнее.

Голос диктора: *(монотонный, то более явственный, то пропадающий):* «...городские власти приняли решение о перенесении на следующую декаду заседание комиссии по переносу...» – «...в русле культурных мероприятий, посвященных...» – «...работники жилищно-коммунального хозяйства были не в должной мере подготовлены к отопительному сезону...» – «...и о погоде...»

Кленов рассеянно играет кленовым листом над столом...

Олег: Жаль, что не о жизни...

Голос Прохожего: *(визгливо-издевательски)* А погода?... Погода – собачья.

Олег озирается – но вокруг никого. Закуривает, берет перо, склоняется над столом и начинает писать... Свет меркнет...

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

В левой стороне сцены – все тот же письменный стол, заваленный горами исписанных бумаг-рукописей, пишущая машинка, чай в подстаканнике; над столом – абажур. За столом сидит Олег и сосредоточенно пишет.

Олег: Летом, как и юностью, все иное. Беспутные, бездумные дни летят нескончаемой явью, длинные, как детство и теплые, как слезы... И, кажется, ты может вспомнить их все – до капли дождя, до оттенка травы, до проблеска вечернего луча по струящейся прохладе воды, до трепета ресниц первой возлюбленной, которой и коснуться не смел, до взгляда той, другой, с которой некогда рассеянно разминулся, чтобы теперь помнить всю жизнь...

Олег болезненно морщится, перечитывая написанное, комкает лист, бросает на пол. Взгляд падает на трубку телефона. Берет, неуверенно набирает.

Звучит звонок и вместе с ним – загорается свет слева; кухня-гостинная; Лека, девушка неуловимо похожая на первую, но иная; короткая стрижка, вельветовые джинсы, свитерок, радостно что-то напевая, Лека орудует пылесосом. Из радиоточки звучит пионерская песня «Замечательный вожатый есть друзья у нас...» – или другая... Выглядит Лека, словно девочка-подросток. Косится на звонящий телефон, наконец, наклоняется к стоящему на полу телефону через кресло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.